

Арина ПОЛЯДОВА

18+

ОБМАНЩИКИ И ОБОРОТНИ

сборник рассказов

Арина Полядова

Обманщики и оборотни

«Автор»

2018

Полядова А.

Обманщики и оборотни / А. Полядова — «Автор», 2018

Как часто у наших милых знакомых вырастают когти и страшные клыки, как в фильмах ужасов! Сборник рассказов о внутренней жизни одной нетрадиционной для России церкви и выходцах из Средней Азии.

© Полядова А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Обманщики	5
Предыстория	5
Сыр в мышеловке	6
Весёлая хроника опасного путешествия	7
Класс без присмотра учителя	9
Вечерняя молитва	16
«Такого снегопада...»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Арина Полядова

Обманщики и оборотни

Обманщики

Предыстория

С Викой, имевшей, как и она сама, корни на Дальнем Востоке, проповедница Лиза познакомилась в налоговом управлении. У Вики было ИП по оказанию медицинских услуг населению, а у Лизы – церковь *библейских христиан*.¹ Обе они в тот день сдавали декларации.

Даже иностранцы отмечают, что все русские «относятся друг к другу с ненавистью», а две корё-сарам,² ровесницы, всегда порадуются, что обрели друг друга. Но у проповедницы Лизы была и корыстная цель: затащить новую подругу в свою умирающую церковь из пятнадцати человек. Женщина дерзко мечтала об отаре «хотя бы из ста» ове... человек, не зная, что для России церковь нетрадиционной ориентации в сорок членов – уже блестящий показатель.

А Вика, в прошлом – электронщица, а сейчас – доктор нетрадиционной медицины, тоже видела в новой знакомой, и её многочисленных родственников, своих будущих дойных коровок. Нет, её медицинские дела шли, в целом, блестяще, Вика даже могла позволить себе немного благотворительности, бесплатных уроков, но клиентуру же надо расширять!

В общем, две нетрадиционалистки встретились, чтобы получить взаимную выгоду. А тут как раз блестящий повод представился.

¹ Настоящее название религиозной организации заменено.

² Корё-сарам – самоназвание этнических корейцев на территории бывшего СССР и Российской Федерации. «Корё» – название Корейского государства в период с 918 по 1392 н. э., «сарам» – «человек», «народ».

Сыр в мышеловке

На воскресном служении старый пастор Вениамин объявил своим скрипучим голосом:

– В конце января в Москве, в церкви «Врата овец», будет проходить *молодёжное служение*. Из *Божьей страны*³ приедет тридцать пять служителей. Я бы даже сказал, что это – концерт, фестиваль и семинар, который будет *сопровождаться исцелением*. В одиннадцать утра – начало, с часу до двух – обед, с двух до четырёх – *восхваление* и *слово исцеления*. Я особенно Хамита прошу, восхваление после обеда.

Брат Хамит, «беженец» и «узник совести» из республики СНГ, если можно так выразиться, был в этой умирающей church⁴ «регентом церковного хора» (*лидером восхваления* на корпоративном сленге). Он один рвал струны и страстно, как испанец, пел, перекладывая хвалы, как слои салата майонезом, экстатическими молитвами, а его жена Зуля *служила на цифровом проекторе*, проецируя на стену цитаты из Библии, тексты песен и Апостольского Символа веры на новый лад.

– Напоминаю, – продолжал между тем пастор, – что, помимо *духовного исцеления*, будет ещё и физическое: со *служителями Бога* приезжают два стоматолога и два иглотерапевта. Приглашайте ваших знакомых, тех, кто сможет. Конечно, неудобно, что вторник и все работают, но ведь всегда можно отпроситься. Я призываю всех вас не упустить такую возможность!

³ Божья страна, Страна Царствия Небесного – самоназвание одного миссионерски активного государства, как Китай – Поднебесная, Япония – Страна Восходящего солнца, Корея – Страна утренней свежести.

⁴ Church – «церковь» по-английски; в данном контексте – эвфемизм, чтобы не вводить в заблуждение непросвещённых читателей.

Весёлая хроника опасного путешествия

Помимо Вики, проповедник Лиза делала ставку и на Надю Кислицыну, которую привела одна из прихожанок, улетевшая на историческую родину в Божью страну (нет, вовсе не туда, куда вы подумали). Вот и её удалось пригласить в Москву на семинар.

Вика приехала к восьми утра на такси, Надя прошла через частный сектор пешком, – она худела. Проповедник Лиза по-матерински предложила им завтрак: манную кашку, маслицы, и шарики мандаринов.

Наде было уже почти сорок, но, невзирая на четырёх мужей, а точнее, сожителей, она оставалась ещё свежей, как майская роза. Её портили короткие волосы, крашенные в неестественный тёмный цвет, а стройную фигуру – живот-бурдюк. У Нади был серебристый голосок и придурковатый смех. Когда ей нечего было сказать, она вставляла два одинаковых слога:

– А что делать, чтобы не жрать? Хи-хи!

– Хороший аппетит, это же признак здоровья! – удивилась Вика. – Вот я ем что хочу, и когда хочу. Конечно же, нельзя закидывать в себя всё, как в помойку. Но я могу и ночью встать поесть, если захочется. У нас в семье никогда не было никакой культуры питания.

– Хи-хи! В воскресенье всем надо выдавать вот такую мензурочку, чтобы там две рисинки было, и две помидорки. Хи-хи!

После воскресного служения устраивали *братскую вечерю*.⁵ В особняке церкви проживали «беженцы» и просто перелётные птицы из Средней Азии, и все они поочередно готовили на *библейские* и государственные праздники плов.

– Вот себе и выдавай. Ты придурок, что ли?

Вика была очень грубой, а Надя – придурковатой. Но последняя оценивала себя адекватно.

– Не всем же нам быть малышками 44-го размера! – уже мягче сказала Вика.

– Но это же «большой размер»! – вмешалась проповедник Лиза. – У нас в церкви нет телевизора, но я была в Москве у кого-то из детей, и видела *мирскую передачу*, где все кричат. Там какой-то молодой парень, певец, болел сахарным диабетом. И он стал худеть, сев на «голодную диету», и умер. И его знакомая орала: «Представьте себе, у вас всегда был 38-ой размер, а стал 42-ой! Он же разжирел, как свинья, и боролся с этим!»

– Хи-хи!

– Придурки! – в сердцах сказала Вика. – Это же детские размеры!

– Наденька, – вспомнила Лиза, – сейчас ещё Андрей должен приехать, это наш *служитель*.

– Это такой полный? Я думала, что он уже дедушка, а он чуть старше меня. Хи-хи!

– У него был трудный путь к Богу.

В *молитвенный зал* вошёл брат Андрей, и тоже получил кашу.

– Ну как, Олег дал вам работу? – спросила Вика.

– Какой Олег? – включил дурака Андрей.

– Который здесь живёт.

– Пока нет.

– Значит, он и вас обманул!

– Меня никто не обманывал! – огрызнулся Андрей. – Если кто-то что-то обещает, ему надо об этом просто напоминать!

Когда они поели, Наташа, жена родного племянника проповедницы Лизы, собрала за всеми грязную посуду.

⁵ Братская вечеря (вечеря любви) – чаепитие после богослужения в евангельских церквях.

«Паломников» должен был отвезти на другой конец Москвы брат Буркит. Он уже долгое время жил в России, утратив документы, но всегда имел работу, за которую, правда, не обязательно платили. Зато брат Буркита был успешен: отдыхал всей семьёй в Турции, построил квартиру в новостройке. Вот на его микроавтобусе Буркит и собирался везти всех на семинар. Другой его брат, Хамит, был пастором, и его жену Тамару депортировали из страны.

Рядом с Буркитом сел брат Андрей, Надя, Вика и Лиза – на средний ряд, а Зуля с Хамитом – на задние сидения. Им предстояла, точно аргонавтам в погоне за золотым руном, весёлая хроника опасного путешествия, ведь их собирался доставить на место человек *вне закона*!

В багажник загрузили огромную рисоварку (их церковь, как глава всей Миссии в России, отвечала за питание) и старый ноутбук Зули, так как они с мужем готовили прославление.

Буркит (Беркут) поплутал по лабиринту коттеджного посёлка и микрорайона, и, словно описав «петлю времени», благополучно вернулся назад. Бабы решили, что им дуёт, и задумали законопатить щели в дверях! Зуля позвонила старшей дочери Армагуль (*Цветок яблони*) и побежала за тёплыми тряпками. Вернулась с шарфом и платком. Бабы остервенело кинулись утепляться. Но на шарф тут же что-то пролили, и он стал непригоден к использованию.

Так они выехали из Каустика⁶ и проехали ещё три подмосковных города. В Москве брат Андрей стал жаловаться, как ему трудно живётся в Тверской области с четырьмя детьми.

– Его ещё и получить невозможно, пособие это! – по-бабьи причитал брат Андрей. – В собесе спрашивают: «А почему вы не работаете? А почему жена не работает?» Да потому что нет её, работы!

Вика вскипела и сказала:

– Так вы и рождаете ради пособий и льгот!

– Сестра, мы рожаем детей, потому что их любим! – взвился брат Андрей. – У нас в области пособие на ребёнка – триста рублей!

– На бутылку водки вполне хватит, – ответила Вика.

– Так христиане же не пьют! – заявила проповедник Лиза.

– Вот у нас в районном центре открыли новый свиноводческий комплекс! – кричал брат Андрей. – Дышать нечем от этих свиней! Так на работу местных не берут, только своих! Представьте себе, сестра, на одного рабочего – две тысячи голов! И каждое животное надо провакцинировать!

– Через двести метров поверните налево, – командовал навигатор. – Камера! – предупредил он, и все рассмеялись.

Обстановка разрядилась. А Вика вся промокла в своей дорогой натуральной дублёнке.

«А путешествовать на машине очень тяжело, – удивилась она. – Душно, не размяться».

⁶ Каустик – вымышленный подмосковный город.

Класс без присмотра учителя

*Под кувшинками, в тиши,
Где не очень мелко,
Ходят важные леици
Шириной с тарелку.
Георгий Ладоницков,
«Наш пруд».*

Через два часа они уже были на месте. Вика, нетрадиционный медик, вышла из машины, не застегнувшись, так она напарилась. Она и Надя увидели мрачное, похожее на тюрьму, жёлтое здание из четырёх этажей.

«Только решётки на окнах не хватает, – подумала Вика. – Вот уж Бастилия». Женщина была вся мокрая.

– Чуть не сдохла от жары! – сказала она.

– Что вы такое говорите, сестра?! – снова взвился брат Андрей.

«Ах ты, щенок!» – разозлилась Вика.

В огромном холле церкви они встретили пастора с женой и знакомых единоверцев.

Проповедник Лиза вытащила две тонкие школьные тетрадки.

– Я должна составить списки для врачей. Так, Надя, ты говорила, что тебе нужен стоматолог...

Вика с братом Андреем поднялись на второй этаж. В огромном молитвенном зале стояли три ряда крепких деревянных скамей. На окнах – тюль и полыхающие красные цветы в горшках.

А в нише, заставленной деревяшками – подсвеченный лампой крест. Вике, совершенно далёкой от религии, не показалось это чем-то диким и кощунственным.

Она села на левый ряд, брат Андрей и пастор – впереди. К спинкам скамей прибиты специальные дощечки для записи проповедей! Но вот одежду оставить было негде, и все мучились, навалив её рядом с собой.

Но вот на фоне креста выстроилась дальневосточная *христианская молодёжь* и залопотала как-то смазано, масляно:

Мы приветствуем вас!

Мы приветствуем вас именем Христа!

Мы приветствуем вас именем Христа!

Иисус любит вас, и мы тоже любим вас!

Мы приветствуем вас именем Христа!

За кафедру стал пастор Вениамин, суперинтендант и исполняющий обязанности главного епископа Объединения библейских христиан России.⁷ Он объявил:

– Всё идёт не по плану. Стоматологи выгрузили своё дорогое и тяжёлое оборудование в церкви «Божье крыло», что на метро Тёплый стан. После обеда для тех, кто остро нуждается, мы организуем поездку в ту церковь.

Ну как всегда! Вот это облом! Вот это обман!

– А теперь позвольте мне представить вам наших дорогих гостей, – продолжал пастор Вениамин. – Вот Ответственный Пастор. Его церковь «Слово» в столице *Страны царствия небесного* насчитывает сорок тысяч человек! Он управляет и Миссионерским центром.

⁷ Название миссии в целях безопасности изменено.

Все похлопали, а пожилой холёный человек, в круглых очках на широком, как лещ, лице, поклонился. Вениамин представил и пастора церкви, куда уехали обещанные врачи.

Со своего места поднялась восточная девушка в очень коротком красном платье. Она приветливо улыбнулась залу и поклонилась по национальному обычаю, прижав руки к животу. Это была сегодняшняя переводчица Елена.

– Поприветствуем пастора! – приказал епископ Вениамин.

И все похлопали.

Широколицый пастор, «названный брат» Главного Епископа, приезжал в их обещавшую подмосковную церковь в прошлом году на отчётную конференцию.

– Поднимите руки все те, кто помнит меня!

Помнили проповедник Лиза, брат Буркит, брат Хамит, сестра Зуля и брат Андрей. Вика никого не знала.

Переводила сестра Елена. Когда она открыла рот, разбилось всё прекрасное впечатление о нежной дальневосточной девушке. Голос у Елены оказался резким и очень неприятным. Одета же она была, как чучело: под коротким платьем – толстые белые леггинсы, и пошло-розовые полусапожки на чёрной подошве.

– В первой половине программы у нас не будет проповеди, – пообещал широколицый пастор. – Я вижу, что вы счастливы от этого!

«Ещё как!» – подумала Вика.

– Наша христианская молодёжь представит своё искусство. Вы услышите национальные барабаны, увидите танец с веерами в национальных костюмах, пантомиму и состязание в восточном единоборстве.

Вышел Молодёжный Пастор, очень холёный. В их стране для мужчин считается в порядке вещей пользоваться тушью, тенями и тональным кремом. Переводила Елена.

– Я очень молод и очень красив! – петушился пастор. – Но, хотя я молод и красив, я уже женат, и у меня двое детей!

Ага, чтобы не возлагали надежд!

Паства послушно хлопала и хохотала.

– Наверняка вы знаете из истории, что Страна Царствия Небесного была очень бедным государством. Но она обогатилась благодаря вере в Иисуса Христа, аминь?⁸ Сто шестьдесят лет назад мы приняли Иисуса Христа. Мы получили обильное материальное благословение, но это не наша заслуга, а благодать от Господа! Аминь?

После проповеди заморского метросексуала на сцене расположился барабанный септет.⁹ Четыре парня в белых рубашках и брюках, и синих жилетках, и точно так же одетая девушка. У них был большой барабан *бук* и три барабана в виде песочных часов – *чангу* и *чонго*.

А по бокам сели девушка в таком же белом костюме, только скрытом под чёрной накидкой, и парень в такой же униформе. У девчонки был ручной барабан, похожий на сковородник, а у него – маленький, *сого*.

Первый удар в бубен превышал болевой порог, и Вика ощутила боль в носу, как будто в него ударили кулаком. Музыканты остервенело застучали, как шаманы у большого котла. А над ними сиял крест, и это было так гадко, так кощунственно!

Ближе к завершению барабанщики потанцевали на месте, помахали трёхцветными тряпочками, поклонились от живота почтенной пастве, и ушли. Издревле в их стране большие барабаны использовались, как сигнальные, а маленькие – в буддийских храмах «для улаживания души».

⁸ Аминь! (евр.) – «истинно так».

⁹ Септет – музыкальный коллектив из семи исполнителей.

За ними вышли танцовщицы в национальных костюмах «ханбок»: пастельно-розовых юбках-чима, завязывающихся выше линии груди, и белых жакетках-чогори, маленьких шапочках, с опашалами с розовой каймой. Они походили на дивных птиц, но это был «танец собирающей пионы», имевший корни в древних шаманских ритуалах.

Вика по примеру других поднялась со своего места и фиксировала представление на телефон. Но молодой кореец коснулся сзади её плеча и сказал строго:

– Сестра, сядьте, пожалуйста, потому что нам не видно.

После национального танца – пантомима из белых квадратиков. Артисты облеклись в чёрное. А состязания Вика так и не посмотрела, потому что ей нужно было срочно поговорить по телефону. Только где бы найти укромное местечко? Напротив молитвенного зала – галерея, все двери с табличками: «Хор», «Кабинет старшего пастора»... Интересно.

В фойе же на специальном столике лежали конверты, где на двух языках было написано: «Десятина». Значит, опять будут деньги вымогать!

Когда Вика вернулась в зал, эстрадные номера кончились, и выступал широколицый пастор. Переводила Елена.

– ...Вот моему отцу сейчас девяносто лет. И ещё два года назад он запросто взбирался на гору. Но, к сожалению, сейчас он начал болеть, он плохо говорит, и уже не думает о том, чтобы взобраться на гору.

Мои предки были буддисты. Когда они приходили в храм, то приносили туда рис и цветы. И они сделали статую эту буддистскую и отдали её в храм. Всё это было семьдесят лет назад.

Сестра моей мамы в семнадцать лет заболела. И врачи сказали, что она не сможет жить дальше. И когда она находилась в такой болезни, все эти буддийские священники стали приходить к ней каждый день. Они что-то приговаривали, стучали. Вы слышали стук в буддистском храме?

Изображает. Все смеются.

– А потом они стали молиться.

Широколицый пастор гортанно поёт. Все снова неприятно смеются.

– И всё это очень не нравилось моей бабушке. И однажды в П., где мы жили, постучался миссионер. Он увидел мою тётю и сказал: «Веруйте в Иисуса Христа!» Но сестра мамы противилась, потому что все они ходили в буддийский храм.

Но этот миссионер пригласил их на христианский семинар. В прославлении – один барабан-бук, это всё, что у них было! (Тогда у церкви не было ни этого прекрасного здания, ни микрофонов, ни синтезатора). Выступал пастор, бил в барабан. Семинар продолжался пять дней, амын?

– Аминь! – заорали все.

– И после этого христианского семинара моя тётя не только выжила, она ещё и замуж вышла! И у неё родилось два сына и две дочери. Один из сыновей стал пастором, а дочь – проповедником. Другая дочь работает преподавателем в воскресной школе. И ещё у этой дочери есть племянник, который стал пастором, амын?

– Аминь!!!

– Я основал церковь в своей стране. Сорок тысяч человек посещают воскресные собрания. Я десять лет жил в Америке и основал там церковь, амын?

– Аминь!

– Однажды в мой офис пришёл мальчик. Он сказал: «Меня зовут Ван, мне семь лет, и у меня скоро операция, мне будут удалять железы. И я боюсь!» И тогда я стал молиться: «Господь! Я хочу, чтобы ты проявил милость и исцелил его! А лучше сделай так, чтоб операции можно было избежать, потому что этот мальчик очень боится!» И он выздоровел, и операцию отменили, амын!

– Аминь!

– А его отец был певцом, – вспомнил Ответственный Пастор. – Он был неизвестным певцом, а в Божьей стране неизвестные певцы очень нуждаются в еде. А когда я был на Филиппинах, один мальчик был болен эпилепсией. И я сказал: «Поймайте его и приведите ко мне! Я исцелю его!» И сейчас ему уже двадцать пять лет, и он ничем не болеет.

– Аминь!!! – заорали все.

Лекция широколицего пастора предваряла *исцеление*. Перед сценой с крестом разложили подушечки, куда усаживались болящие. Ну, просто Вифезда!¹⁰ И широколицый пастор подходил, возлагал руки и молился. И всё это под *хвалу*:

Хвала Тебе, о, Дух Святой!

Хвала Тебе, о, Бог Живой!

Между рядов мелькнуло глупое лицо Нади Кислицыной. Короткое платье из шотландки, серая накидка, чёрные леггинсы и пёстрые тяжёлые ботинки. Как клоун.

Настало драгоценное время обеда. В столовой подали невкусное овощное рагу, слипшийся рис, сваренный в привезённой автоматической кастрюле, и острый салат кимчи.¹¹

Жена пастора кинулась к какой-то бабке, похожей на неё, как сестра-близнец. Была там и Лариса, сватья проповедницы Лизы, свекровь её младшей дочери Али, ужасно противная. Она помогала по кухне.

В ноябре Лара жаждала окреститься, но пастор отказал категорически. А сейчас она на всё забила. Сказала презрительно:

– Мне всё это не нужно, я завтра улетаю в Израиль!

Из-за еды чуть не возникла потасовка. Вика цепко ухватила свои порции в одноразовых тарелочках и села за разрешённый стол (был и специальный, отведённый для гостей).

Зуля болтала с Шолпан. Её мать была белорусской, поэтому она, искусственная блондинка, не походила на узбечку.

И вдруг Вике показалось, что на неё кто-то смотрит сверху. Она подняла глаза и увидела икону Спасителя под самым потолком. Конечно же, это была картина, аккуратно вставленная в рамку под стекло. Но... икона! В протестантской церкви!

А под ней – захламленный стол, где задвинутая в угол ваза-гжель с давно засохшим букетом, и валяются офисные папки, дипломы в рамках и Библии.

К ним подошёл молодой иностранец с подносом, где дымились пластиковые стаканчики, наполовину наполненные песочно-жёлтым напитком.

– Кофе из Божьей страны, пожалуйста, – очень вежливо рекламировал он.

Вика попробовала. Очень вкусно!

После трапезы пастор Вениамин объявил, что есть пять машин, готовых поехать через всю Москву на Тёплый Стан. С севера на юг, всё заткнутое пробками.

И Надя уехала с Буркитом.

Широколицый пастор (проект, собственно говоря, и делался под него), стал читать проповедь о молитве. Вика вздохнула и уткнулась в криминальную мелодраму в мобильном интернете. Это было очень удобно: два противотока информации, и проповедь уже не казалась такой скучной. Переводил пастор Вениамин.

¹⁰ Вифезда – два бассейна, вырытые в русле реки Бейт-Зейта около северной стены Иерусалима, у Овечьих ворот, через которые прогонялись к Храму жертвенные животные и где был рынок этих животных. Эта купель упоминается в Евангелии от Иоанна как место исцеления Иисусом Христом расслабленного (парализованного) (см. Ин. 5:1-16). Овечьи же врата впервые упоминаются в Библии в Книге Неемии (Неем. 12:39). В таких церквях Вифездой называют *служения исцеления*, молитвы за болящих с *возложением рук*.

¹¹ Кимчи, или кимчи – засоленная пекинская капуста.

– В 1980 году в нашу Божью страну из Германии приехало пять миссионеров. Они посетили церковь на берегу моря, маленькую церковь у подножья гор, пытаюсь понять, почему в нашей маленькой стране, где после гражданской войны ели кору, произошёл такой экономический рост. И оказалось, что наш народ очень много молится! Мы молимся даже тогда, когда идём за покупками в торговый центр: «Господь, пошли нам большие скидки!»

– Ха-ха-ха! – послушно загоготал зал.

– Матери тех детей, которые весь год не учились, молятся: «Господь, благослови моего сыночка правильно ответить на все вопросы!»

– Ха-ха-ха!

– Но это неверная молитва. Когда наши люди садятся в самолёт, они тоже молятся. И раз они много молятся, то Бог благословляет их!

Вика заинтересовалась. Ознакомительный фрагмент книжки как раз прервался на самом интересном месте, а она не разбиралась во всех тонкостях онлайн-библиотек.

– В 1980 году я основал церковь, – вспоминал Ответственный Пастор. – Прихожан тогда было всего пять человек, двое из которых на пороге Царствия Небесного. После богослужения я зову своих прихожан в стейк-хауз и варю им лапшу... И вот у меня в церкви – сорок тысяч человек! Надо просто много, длинно и сильно молиться! Поднимите свою правую руку! Дух Святой!!! Наполняй!!! Аминь!!!

И поднялся вой. Все заорали и замахали руками.

«Дурдом!» – подумала Вика.

Снимать это «радение», как ни странно, не запрещалось. Молодые гости с Дальнего Востока, с искажёнными дикой злобой лицами, обводили зал своими профессиональными камерами.

Зуля и Хамит оказались сегодня героями дня. Они не только привезли рисоварку, но и вели концерт. Они спели дуэтом несколько хвал со сцены, но руководству этого показалось мало. Одну *хвалу* они потребовали исполнить в конце, на бис.

И началось что-то невообразимое. Сцена, Хамит и Зуля, муж и жена. Она в джинсах, чёрной маечке, чёрном кардигане и нелепых рыжих полусапожках с толстым искусственным мехом по краям, похожим на кошачий хвост.

Но певцы на заднем плане. В авангарде – широколицый пастор и красно-бело-розовая переводчица. Он орёт в микрофон, машет рукой и изгибается, как в приступе рвоты. Переводчица Елена шаманит уже двумя руками.

А сзади них – крест, пылающий, будто подожженный ку-клукс-кланом.

В клипе “Like a prayer” известной богохульницы Мадонны было нечто подобное, только там кресты горели живым пламенем,¹² а здесь – просто лампочками.

В зале же все подняли руки к небу и грозно рассекали ими воздух.

Блажен народ, у которого Господь есть Бог!

Блажен народ, у которого Господь есть Бог!

Мы тот народ, у которого Господь есть Бог!

Мы тот народ, у которого Господь есть Бог!

Встань, Господь, и рассеются враги Твои!

Все ложные боги исчезнут с лица земли!

Но их почти не было слышно, так как все орали, – «молились»:

– Чиё-о-о!!!

¹² За этот клип в 1989 году певица, воспитывавшаяся в строгой католической семье, была проклята Ватиканом, и Папой Римским Иоанном Палом Вторым лично.

– Й-и-й-о-ё-о-о!!!

– Иисус!!!

– Господь!!!

– Ле-ле-ле-ле-лей!

– Ре-ре-ре-ре-ре!

– Блажен!!!

– Молитесь на иных языках!!! – кричал через сестру Елену пастор.

«Богослужение» напоминало класс, оставленный без присмотра учителя, где все орут и скачут по партам.

Но кончилось всё неожиданно и резко. Со всеми скомкано попрощались, и все медленно, как растопленное масло, поползли из зала.

К Вике обернулся молодой кореец и крепко пожал ей руку.

– Вы получили подарок? – спросила у Вики увядшая женщина, её ровесница.

– Нет.

И та дала ей прозрачный чехольчик с зубной пастой на масле чайного дерева и мягкой розовой щёткой; на узеньком тюбике стоял логотип церкви широколицего пастора.

– А вы в эту церковь ходите? – спросила проповедник Лиза.

– Нет, не в эту, – отрезала ещё минуту назад такая любезная *сестра*.

Жена пастора болтала со знакомыми, точно бабка на лавочке. Оказывается, молодого корейца, осадившего Вику за её фотосессию, звали Роберт, и это был новый пастор церкви «Врата овец»!

Унитазов были горячие сиденья, а в кабинках стояли горшки с колеусами!

Вика так напарилась, что спустилась во двор в распахнутой дублёнке.

Баркит увёз Надю и не вернулся. Но был пастор Вениамин с микроавтобусом «Хундай». В багажник загрузили рисоварку и ноутбук Зули.

– Смотрите, ничего не забудьте! – предупредил пастор.

Он брал с собой Галину Михайловну, подругу своей жены, одинокую мужиковатую женщину с Волгоградского проспекта, посещавшей в их подмосковной миссии все симпозиумы, и какого-то дедушку. Видно, Галина Михайловна от нечего делать, решила переночевать в их церкви.

– Вика! – скомандовала пасторша и указала на рельсы в снегу. – Вон там – МЦК! Будешь теперь сюда ездить!

Пасторша села рядом с мужем, дедушка, старая дева и проповедник Лиза – на второй ряд, а Вика, Зуля и Хамит – на задний. Брат Андрей из Тверской области тоже где-то потерялся и не ехал с ними.

Когда они покинули Москву, уже упали сумерки. Пастор решил возвращаться окольными путями, где меньше пробок.

– Надя так к стоматологу и не попала, – сокрушалась проповедник Лиза. – Очень много народу.

– Так что же за один раз можно сделать у стоматолога? – простонала старая дева.

– Это всё *мирские*! – затрещала пасторша. – Всё им подавай на халяву!

Ха, а кто зазывал?

– В Москве нет протестантских церквей, только православные! – с ненавистью кричала пасторша. – Все миссии – в области!!!

Пастор как раз гнал по тёмному подмосковному лесу, где сверкали белые, страдальчески изогнутые стволы берёз.

Вику укачало уже почти до рвоты. Господи, ну когда они только приедут!

– А вот здесь живут наши Миша и Лариса! – объявил пастор.

– А что же они от нас уехали, они же раньше в Каустике жили? – заверещала пасторша.

– Они сочли, что там вредно, на них дул ветер с химзавода. Но они продали квартиру и уезжают в Геленджик. Они всегда хотели иметь дом на берегу моря.

– Вика сейчас выйдет? – вдруг спросила старая дева.

– Нет, Вика выйдет с нами! – гордо объявила проповедник Лиза.

– А я думала...

Пастор увидел «Магнит» и разразился проповедью:

– Его создал бедный человек и разбогател на нём!

Стали вспоминать свою среднеазиатскую молодость и промышленность. В Каустике продолжала действовать шелкоткацкая фабрика.

– На гербе Каустика – ножницы! – заявил пастор.

– Нет, это – нить! – взорвалась Вика. – Символ ткацкого производства. Я сама читала описание герба 1975 года!

– Нет, ножницы! – с азиатским превосходством над неполноценной женщиной заревел пастор.

Перешли к шёлковому делу. Пастор с женой всё также безапелляционно уверяли, что в цехах фабрики раньше выращивали шелковичных червей, как в их Средней Азии, хотя здесь просто использовали синтетическое волокно для парашютного шёлка. Было невозможно слушать весь этот бред, но и возразить не давали.

Так они доехали до особняка миссии. Вика отказалась от чая и вызвала такси.

Вечерняя молитва

– Эй, хозяин, а сколько ты платишь за это бунгало?

По-моему, его забыли достроить!

– А где здесь кондиционер?

– Три года здесь?!!

– Мой совет – меняй туроператора!

(Из рекламы;

Шоколадки в гостях у Робинзона Крузо).

После ныряний из жары в холод Вика простудилась. Нет, температуры не было, но от насморка всё распухло. Вика, как представитель нетрадиционной медицины, лечилась не дорогими лекарствами на парацетамоле, от которых может быть кома и апластическая анемия, а флакончиком эвкалиптового масла.

В четверг проводилась вечерняя молитва. Вику не интересовала церковь, но нравилась проповедник Лиза. Она позвонила и спросила:

– Тебе нужны кабачки для церкви? А то у меня много, и я их не люблю!

– Давай! – обрадовалась проповедник Лиза. – Только заверни их в газетку, чтобы они не замёрзли. Мы их с Зулей засолим, а в воскресенье приготовим!

Морозы держались со вторника, как они ездили во «Врата овец».

В Миссионерском центре гостила младшая сестра Лизы Аня, тоже проповедник, только в церкви на другом конце Москвы. Сейчас она торчала в гостевых комнатах всем семейством: с мужем, сыном, снохой и внуком.

В церкви у проповедницы Лизы был свой маленький бизнес. Она сдавала комнаты. В её распоряжении, как администратора, был весь второй этаж, цоколь и ветхий домик во дворе. Её старшие дочери-хабалки называли его «домиком для прислуги», а особняк церкви – «господским домом».

Зуля и Хамит *из прославления* занимали второй этаж с отдельным входом и платили десять тысяч в месяц. «Бунгало» Буркита стоило пятнадцать тысяч, но было поделено на три доли. У Буркита не всегда бывала даже такая сумма, и проповедник Лиза, обычно такая мягкая, всегда разговаривала с ним по этому поводу очень жёстко.

И с Оливии, своей «воспитанницы» с Северного Кавказа, которая приехала погостить в промежутке между вахтами на стройке, Лиза тоже ничего не брала.

Все обитатели церковных построек были служителями и имели регистрацию в особняке. Один Буркит давно потерял документы и находился в дойной корове России на нелегальном положении, как разведчик. О полученной арендной плате проповедник Лиза составляла отчёт в программе Excel.

Но денег за свет, газ и воду она не взидала, и поэтому по вечерам обходила особняк и выключала за всеми.

Увидев проповедницу Аню, Вика поморщилась. Та тут же решила её построить:

– Вот ты была на конференции. Скажи, что ты из неё вынесла?

Вике понравилась лекция о непрестанной молитве, но это оказалось очень личным, поэтому она сказала нагло:

– Барабаны. Я подумала, что каждый народ всегда добавляет в христианство своих чертей. Русские – Ивана Купалу, а наши – барабаны. Я думала, у меня голова треснет!

– Нет, ну причём здесь это?! – заверещала проповедник Аня, и тут же сдулась.

Она всем хамила, но получив отпор, тут же скисала, как молоко в тепле.

Проповедница Лиза помолилась за предстоящее богослужение. Женщины спели несколько хвал. Лизавета Петровна выбрала стих из Библии для размышления.

– Мы прочтём его в один голос. Три, четыре!

Вика умирала от скуки.

И вдруг из коридора позвали проповедника Лизу, и Вика услышала:

– Здравствуйте, я тоже ваш брат, протестант! Я приехал...

Но Лизавета плотно прикрыла дверь, и больше никто ничего не узнал.

«Такого снегопада...»

В Корнуолле, «самом загадочном графстве Великобритании», что на юго-западе страны, зима бывает «чёрная» (бесснежная) и «белая» (со снегом).

Новый 2018 год жители Подмосковья встретили по-корнуольски, по-чёрному: капал дождь, хлюпала мерзкая серая грязь. Но уже через месяц город завалило по уши, и Хамит, вместо того, чтобы петь, расчищает завалы. За него отдувается пресвитер Миша: все стоя, без аккомпанемента, поют *хвалы* (Миша ответственен за *гимны* из красных сборников), которые Зуля проецирует на белый экран. И на *молитве молчания*, забывшись, продолжают стоять, и гимны из красной книжки поют на ногах. Ну, Символ веры, понятное дело. Наконец можно сесть.

Проповедница Лиза стоит за кафедрой в узком и прямом оливковом платье с чёрной полосой на спине, как на дорогом чулке со швом, а на ногах – голубые пластиковые тапочки. Она приготовила проповедь на 2-ое Послание к Коринфянам о верных и неверных, свете и тьме, чистых и нечистых. Но, как всегда, ушла в своих размышлениях далеко.

– Отношения с Богом – это не брак по расчёту, – говорит проповедница. – Мы часто можем видеть: идёт такой пожилой мужчина, а рядом с ним – прекрасная женщина лет тридцати, двадцати пяти, восемнадцати. И эту женщину можно назвать золотоискательницей, потому что она находится с ним не ради личности этого мужчины. И он, в свою очередь, не так уж влюблён в неё, ему нужно просто похвастаться перед друзьями. Их союз – взаимовыгоден. Вот в сказках принцы поступают мудро: они переодеваются в нищих и ищут на земле ту, которая их полюбит.

Как всегда ко второму часу богослужения приехали сыновья пастора с жёнами и детьми. Андрей с широким лицом, в очках и с национальной причёской – хвостиком и частично выбритой головой, – уселся с маленькой куклой-дочкой на коленях на последний ряд, а Валера с трогательной женой Наташей в очках в массивной чёрной оправе, с мальчиком, заняли своё место за третьей партой у окна. Пастор с пасторшей из-за снежных завалов тоже опоздали. Хорошо, что за проповедь сегодня отвечала администратор церкви.

– Тот, кто хочет иметь много друзей, – зудела проповедница, – может оказаться в положении Аарона, когда его попросили сделать золотого тельца. Так и многочисленные друзья могут склонить поклоняться идолу.

Внук пастора, видимо, из «солнечных детей». Его и зовут Самсон, что обозначает «солнце». Он вертится, как уж на сковородке, рвёт бумагу и истошно кричит:

– Ко-ко-ко-ко-ко! Ка-ка, ка-ка! Ку-ку, ку-ку! Пойдём гулять!!!

Внучка пастора, похожая на куколку, обычно совершенно беззвучная, тоже истошно кричит, и Андрей выносит её за дверь.

– Вы представляете, – продолжала тему исхода из Египта проповедница, – ведь Моисею с Аароном пришлось вести народ через пустыню, где нет магазинов, нет супермаркетов, где только какой-то странный хлеб – манна, и иногда перепела.

– Ка-ка-ка-ка-ка!!! Ка-ка-ка-ка-ка!!!

– А-а-а-а-а!!!

А Самсон (бабушка зовёт его Сэма) дёргает мать за руку:

– Кусать! Кусать!

Но на трапезу их семья никогда не остаётся.

Сегодня на богослужении – новые люди. Молодой ещё мужчина со сверкающей плешью в ярких чёрных волосах, и стройная крашеная блондинка в чёрном костюме, словно из прошлого десятилетия.

Проповедница закончила лекцию. Если пастор всегда молится в конце проповеди, то она – в начале. Спели несколько гимнов а капелла, собрали пожертвования. И вышел пастор для объявлений.

– 16 февраля будет восточный Новый год. Мы этого не придерживаемся, но для нашей церкви это прекрасный повод собрать людей. Поэтому 18-го приглашайте своих знакомых, будет угощение. Вот говорят, что это – китайский Новый год, а на самом деле он – восточный. Также хочу напомнить, что в феврале будет проходить конференция семейного служения, – огласил он своим скрипучим, но зато таким родным голосом. – Люди приедут, чтобы научить нас правильному отношению с Господом и в семье. Приглашайте своих знакомых.

Это было странно, потому что на таких семинарах проходили всякие причудливые вещи, после которых со всех присутствующих брали обет молчания. Только что кровью не расписывались.

– И особая благодарность Буркиту, – продолжал между тем пастор, – что он повёз нас на этой машине, это был очень большой риск для него. А потом он возил людей ещё и на лечение. Но Бог хранил до конца!

– Хранил!

– Аминь!!!

– Да, мы не смогли получить во вторник физическое исцеление, но всё равно получили благодать. Потому что там было столько *людей из мира*, – ну ладно, пусть они лечатся, а мы...

– ... уже исцелены Кровью Иисуса Христа! – гаркнула жена пастора с первой парты.

– Аминь!

– Да, с нами была почти неверующая Надя и совсем неверующая Вика, – сказала проповедник Лиза. – У кого есть *свидетельства*?

Это была дополнительная рубрика в регламенте собрания: о свидетельствах и *особых восхвалениях* нужно было договариваться с администрацией заранее.

И перед залом вышла Зуля:

– Я хочу засвидетельствовать сейчас о *Божьем исцелении*. До Рождества, числа 13-го или 14-го, я пошла в подвал вешать бельё. И так как мне было лень, я взяла с собою два ведра. На лестнице я поскользнулась и ударилась о последнюю ступеньку. А ударилась я почкой и позвоночником. И когда человек выходит из привычного состояния, дьявол начинает нащёптывать: «Вот, ты будешь сидеть в инвалидном кресле!» Но я стала молиться на иных языках, кричать. Но меня бы всё равно никто не услышал, а мобильный я оставила дома. И дьявол опять стал шептать: «Вот, когда ты нужна своим родным и близким, ты к ним бежишь. А они...» Но тут пришла моя старшая дочь Армагуль и увидела, что всё разбросано. «Гуля, повесь бельё», – сказала я. И меня буквально внесли в комнату. Сутки я не вставала, и все молились за меня. А у нас есть зонт-тросточка, которая и стала мне подпоркой. А комната большая, она у нас молитвенной считается. И я сказала себе: «У меня тело – Иисуса Христа, значит, оно не может болеть!» И я исцелилась! Аминь!

– Аминь!

Накрыли стол для *братской вечери*. Подали очень вкусный овощной салат, куда положили Викины кабачки, корейскую морковь и винегрет без огурцов из гипермаркета, и пирожки, напечённые проповедником Лизой и Зулей.

Наташа с Самсоном сегодня тоже ненадолго осталась. Голос у неё низкий, неприятный, разбивающий образ нежной дальневосточной девушки. Как и у переводчицы Елены. Но серое стёганное пальто очень ей идёт, Наташа в нём очень трогательная.

Пастор с пасторшей жили в другом городе, поэтому на обед не остались, чтобы в сумерках не увязнуть в снегу. Лариса, жена пресвитера, глупая, как пробка, трещала без умолку:

– Я не понимаю, Вениамин Ёнович, он совсем уже, что ли?! Праздновать восточный Новый год! Ну, это ладно. Но приглашать всех на семинар! Мирских! Они ведь не поймут!

Перед пастором же Лариса всегда ходила на задних лапках, и богословские вопросы задавала стоя!

– Лиз, а что это за люди? – верещала Лариса. – Почему они ушли? Я думала, что они теперь будут ходить в нашу церковь!

– Им нужно срочно уезжать. Они с Западной Украины, из церкви «Дом Петра».¹³ Они попросились переночевать на несколько дней, потому что они тоже наши братья, протестанты...

Умеренно маразма... харизматическая церковь «Дом Петра» в течение десяти лет арендовала Большой зал у библейских христиан, пока не построила трёхэтажный терем в дальнем районе Каустика. Там были предусмотрены и комнаты для гостей. Однако, Олег Божков, ещё один *брат* из «Дома Петра», с осени снимал жильё здесь же, у конкурентов.

– Насть, а ты их не знаешь? – продолжала верещать Лариса.

Настя Юбкина перешла к библейским христианам из «Дома Петра» (обычно бывало наоборот), поэтому по всем вопросам, касающейся этой весёлой церкви, стрелки переводились на неё.

– Я что, всех обязана знать?!! Их там – триста человек перекати-поле! Сегодня здесь, завтра там!

– Ой, да ладно тебе, Насть! – добродушно сказала Лариса.

Когда все разъехались, и стало темнеть, пришли Вика, и Надя с маленьким Юрой. Надя принесла домашнюю баклажанную икру.

– Ой, а вы здесь? – удивилась она. – А то я думала, что из-за снегопада всё отменят...

Проповедник Лиза искренне страшно обрадовалась, и выставила на стол недоеденные пироги и острую морковь. Пришли Зуля, воспитанница Оливия. Сначала, конечно, обсудили конференцию.

– «Божье крыло», там такая самая настоящая восточная церковь! – визжала Надя. – Там обувь все оставляют в коридоре, в зал проходят в одних носках.

¹³ Название изменено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.